

ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА В ГРАНИЦАХ ЕАЭС

Созданию общих цифровых экосистем трудоустройства, логистики, промышленного сотрудничества в странах – участницах Евразийского экономического союза – Армении, Беларуси, Казахстане, Киргизии и России была посвящена обстоятельная беседа с министром Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Карине МИНАСЯН.

С 1 февраля 2020 года решением руководителей стран ЕАЭС к работе приступил новый член Коллегии (министр) по внутренним рынкам, информатизации и информационно-коммуникационным технологиям Евразийской экономической комиссии Гегам ЛЕВОНОВИЧ ВАРДАНЯН. В последнее время он работал заместителем министра высокотехнологичной промышленности Республики Армения, а до этого занимал пост заместителя министра транспорта, связи и информационных технологий Республики Армения.

Продолжая информационное сопровождение сотрудничества стран – участниц ЕАЭС в решении масштабной задачи создания общих цифровых экосистем, редакция предлагает вниманию ранее подготовленный материал.

– Каких практических результатов удалось достичь за первые два года реализации цифровой повестки ЕАЭС?

– В конце 2017 года мы приняли документ «Цифровая повестка Евразийского союза». Он

предусматривает три этапа. Первый, который завершился в 2019 году, – это запуск запланированных проектов, а также формирование с нуля институциональной базы и структуры, так как до этого в рамках цифровой повестки на пространстве Евразийского союза мы не вели проектную деятельность. Сегодня мы не только пишем нормативные документы, способствующие развитию, интеграции и улучшению бизнес-среды на пространстве ЕАЭС, но и реализуем совместные с другими странами проекты. Это совершенно новый опыт. И здесь одно из основных достижений, наверное, в том, что мы смогли запустить уже два больших проекта, а в начале этого года планируем третий.

– Расскажите, пожалуйста, о первых проектах.

– Первый проект – сеть промышленной кооперации и трансфера технологий, которая необходима для формирования кооперационных связей в пространстве Евразийского союза, прежде всего для бизнеса. Через эту сеть бизнес сможет взаимодействовать и искать партнеров. Мы

только запускаем проект, определили участников в странах, которые будут воплощать его в жизнь. Это не просто, так как надо договариваться одновременно с пятью странами и учитывать их интересы.

Второй проект – «Работа без границ» – ориентирован на граждан Евразийского союза и предполагает возможность искать работу на всем пространстве ЕАЭС через каналы, которые существуют в каждой стране. Это первый маленький проект для выстраивания большой экосистемы по трудоустройству, в которой будут развиваться сервисы, связанные с электронными трудовыми книжками, смарт-контрактами. Через данную платформу граждане смогут получать удаленные сервисы, которые им необходимы в связи с переездом в другую страну, со сменной работой и так далее. К концу 2020 года запланирован запуск действующей системы с полным набором сервисов.

Третий проект – «Цифровые транспортные коридоры» – нацелен на создание единой экосистемы со сквозной цифровой логистикой,

которая охватывает движение товара и транспорта на пространстве Евразийского союза и взаимодействие с другими странами. На сегодняшний день есть две экосистемы в Европе – Maersk и Phoenix и одна в Азии – Logink, а также связанные с ней системы в Японии и Китае, которые уже работают на территории ЕАЭС. Для своих клиентов они выстраивают транспортные коридоры, исходя из собственных интересов, не спрашивая нас. Это значит, что цепочка добавленной стоимости будет выстраиваться без учета интересов ЕАЭС. Наша задача – создание и развитие собственной экосистемы, которую не смогут игнорировать другие большие региональные платформы. Создание трансграничной системы, которая объединит множество платформ, предоставляющих различные услуги, позволит нам занять свое место в глобальном конкурентном пространстве, а не стать частью чужой региональной экосистемы. Конкретные эффекты для людей – рост экономики, сохранение рабочих мест, возможность увеличения собственных доходов.

– Чьими силами будут создаваться эти экосистемы?

– Одним из основных принципов для нас является обеспечение национального цифрового суверенитета. И, когда мы говорим об экосистеме на наднациональном уровне, мы имеем в виду, конечно, распределенную структуру. В течение пяти лет в рамках Евразийского экономического союза мы выстраивали интегрированную информационную систему: интеграционный сегмент создавался на уровне комиссии, а национальные сегменты каждое государство строило и поддерживает самостоятельно. Две основные функции наш интеграционный сегмент на сегодня уже решает: юридически значимый трансграничный документооборот (мы его уже обеспечиваем для межгосударственного взаимодействия G2G) и

обмен данными. У нас построены все шлюзы и необходимые подсистемы, разработаны модели данных и справочники. Вся интегрированная информационная система для G2G уже сформирована. И сейчас мы переходим на следующий этап ее развития, который должен обеспечить трансграничное взаимодействие между бизнесом одной страны и государством другой.

Это важно, потому что если мы говорим, например, о маршруте автомобиля, который едет из одной страны в другую с транспортной накладной, то электронная накладная должна признаваться по всему маршруту следования. А для этого она должна быть заверена соответствующей службой доверенной третьей стороны. В большом количестве проектов, связанных с движением, очень значимую роль играет надзорный орган: если ты едешь с товаром, тебе надо получить сертификат происхождения, сертификат безопасности и различные накладные. Если B2B-взаимодействие переходит в электронный вид, то государство должно обеспечить возможность проверки разрешений на пути движения товара в электронном виде. И вот эту часть работы мы решаем на наднациональном уровне за счет бюджета союза.

Если мы говорим о взаимодействии бизнеса между собой, нужен единый сервис, который предоставляется во всех странах. Например, в транспортных коридорах необходима возможность резервирования парковки на пропускном пункте. Это избавит от очередей и минимизирует простои. И этот сервис должен предоставляться в каждой стране, где проходит маршрут. Мы считаем, что это должны быть сервисы уровня B2B, но для того, чтобы они имели возможность работать со всеми странами на наднациональном уровне, мы будем разрабатывать единые стандарты этих услуг, обеспечивающие интероперабельность и сквозные процессы.

– Планируется внедрить смарт-контракты для заключения трудовых договоров?

– Да, мы рассчитываем на это. Когда мы начинаем разработку экосистемы, проводим научно-исследовательскую работу с участием НИИ всех стран и выделяем те сервисы, которые считаем целесообразными для трансграничной экосистемы. Недавно такая работа завершилась по экосистеме трудоустройства граждан, в рамках которой как раз были выделены сервисы, связанные со смарт-контрактами. Гражданин должен иметь возможность ехать в любую страну Евразийского союза, подтвердив свой диплом и трудовую книжку и заключив договор в электронном виде, даже, предположим, с использованием технологии блокчейн. Также он должен иметь возможность заключить контракт на съем квартиры, на устройство детей в школу и т. п. Необходимо, чтобы Евразийский союз воспринимался как общая территория в вопросах трудоустройства. Это госуслуги будущего.

– Какие проблемы могут возникнуть при реализации проекта?

– До конца 2020 года мы запустим только сервис по поиску работы. Смысл союза в том числе в цифровом выравнивании. Конечно, для внедрения смарт-контрактов нам придется дорабатывать национальные законодательства. Мы планируем полностью все эти сервисы реализовать к 2025 году, но наш опыт показывает, что с началом внедрения тех или иных решений все страны ЕАЭС начинают гораздо быстрее двигаться в нужном направлении.

– По вашим планам «Работа без границ» упростит удаленную работу на пространстве ЕАЭС?

– Это одна из важных задач – решить вопросы, связанные с фрилансом. Доля удаленной работы постоянно увеличивается на рынке труда.

В России и других странах много платформ, таких как Headhunter, которые обеспечивают трудоустройство или поиск работы в сегментах высококвалифицированных специальностей, и здесь по большей части все проблемы решаются. А проект «Работа без границ» направлен на тех специалистов, которые не являются высококвалифицированными и нуждаются в большей защите. Но, конечно, мы ожидаем, что смарт-контракты будут максимально востребованы высококвалифицированными специалистами в том числе.

– Сможет ли проект «Промышленная кооперация» восстановить связи, утраченные после распада СССР?

– Промышленная кооперация – это проект, направленный на выстраивание цепочек добавленной стоимости в рамках Евразийского союза для увеличения оборота между странами, роста объема валового внутреннего продукта. Но, как показывают наши исследования в рамках ЕАЭС, связи внутри союза очень и очень слабые, хотя все страны-участники – выходцы

из Советского Союза. И реальная заинтересованность в интеграции возникает именно в кооперации. Задача заключается как раз в выстраивании кооперационных цепочек. Безусловно, мы рассчитываем, что в дальнейшем государства будут на базе знаний, аккумулированных в рамках этой платформы, вырабатывать свою политику поддержки кооперационных связей и промышленников.

– Насколько мешает цифровой интеграции неравномерный уровень цифровизации стран – участниц ЕАЭС?

– Естественно, все страны находятся на различных уровнях цифровой трансформации. Это логично, так как она требует определенного уровня индустриализации общества. Сразу перепрыгнуть в цифровой формат можно разве что в таких сферах, как услуги, а в сфере производства, если с нуля создавать цифровые решения, потребуется больше инвестиций. С другой стороны, не все страны одновременно начали системно на государственном уровне осуществлять процесс цифровизации. Если

Россия уже перешла от государственных сервисов к суперсервисам, некоторые страны еще собирают свои госуслуги и в основном акцентируют ресурсы на формировании этого сегмента. Очень продвинулся Казахстан с точки зрения оцифровки государственных услуг. И потихоньку подтягиваются остальные страны, в том числе через нашу интегрированную систему. Мы видим, откуда появляются решения в реестре евразийского программного обеспечения, который создала Россия. Их предлагают прежде всего Беларусь и Республика Армения – наиболее технологически представленные на глобальном рынке цифровых решений страны.

– Стоит ли ожидать, что другие страны – участницы союза введут преференции для работников с территории ЕАЭС?

– Когда мы организовываем встречи с министрами, ответственными за цифровое развитие, то постоянно обсуждаем этот вопрос. Он не простой, потому что накопленные знания, наличие научно-исследовательских институтов,

разработчиков дает возможность России в долгосрочной перспективе этот рынок покрыть самостоятельно. Маленькие страны не способны это сделать, и говорить о том, что они создают реестр программного обеспечения, который предоставит преференции в госзакупках, очень сложно. С другой стороны, мы все-таки всегда больше склонялись к созданию общего Евразийского реестра. Те компании и то ПО, которые попадут в него, могли бы пользоваться преференциями на всем пространстве ЕАЭС. Но здесь тоже все не так просто, потому что существуют различные требования к государственным закупкам в рамках каждой страны.

Если говорить об экономической безопасности, то вопрос в том, отключит ли тебя в конце концов кто-то извне, есть ли риск стать управляемым, потерять суверенитет. С этой точки зрения каждое государство, применяя в госзакупках программное обеспечение, обязано эти риски оценивать. И здесь каждая страна должна определять, каким образом она решает подобные вопросы на национальном уровне.

Изначально Российская Федерация не имела права через создание реестра национальных программ закрывать свой рынок для разработчиков из Евразийского союза, потому что реестр был создан после подписания договора. Этот вопрос обсуждался на всех площадках, и государства - члены ЕАЭС посчитали целесообразным, чтобы Россия создала подобный реестр для разработчиков из всех стран Евразийского союза. Очевидно, что разработчики из Российской Федерации имеют колоссальные преимущества перед разработчиками из других стран ЕАЭС, потому что адаптировать разработку для меньшей по размерам страны гораздо дешевле, чем масштабировать продукт, разработанный для маленькой страны, на огромную.

– С какими трудностями пришлось столкнуться при реализации упомянутых проектов, как они преодолевались?

– Самая большая трудность в том, что в договоре нет раздела про цифровую интеграцию. И для того, чтобы начать реализовывать проект (к слову, проектная деятельность тоже не обозначена в договоре и комиссия ей никогда не занималась), необходимо создать нормативную базу, дойти до выделения бюджета на эти задачи и так далее. Данный путь мы прошли за 3 года, и я считаю, что это очень короткий срок, учитывая решение интеграционных вопросов. Но проблема, к сожалению, так и не решилась, хотя мы до сих пор предлагаем изменения в договор, потому что неопределенностей в вопросах формирования нормативной базы в разных странах еще очень много.

– Как вы оцениваете уровень цифровой интеграции ЕАЭС в сравнении с международным опытом?

– Мы прежде всего смотрим на опыт Европейского союза, но масштаб нашей деятельности несоизмерим с ЕС по объему ресурсов. Около 30 институтов, около 5000 человек в Европейском союзе работают на цифровую повестку. Если мы все команды, которые делали для нас НИРы, объединим с нашей командой, все равно получится не больше 100 человек: несоизмеримые масштабы. И, конечно, они начали не 5, а 20 лет назад, свою систему межгосударственного взаимодействия выстраивали поэтапно. Но мы их догнали. Важен и китайский опыт: они собирают вокруг своих платформ другие платформы из разных стран. Это больше поглощение – не партнерство. Интересен опыт АСЕАН, где построено трансграничное пространство доверия, либеральный электронный документооборот.

Что касается нашего опыта, сейчас мы уже можем говорить о трансграничном пространстве доверия. Мы считаем, что это уникальный опыт – больше, чем на 2 страны, нигде не реализована возможность обеспечения юридически значимого электронного документооборота. Естественно, практические результаты надо будет подводить в конце 2020 года. Но то, что мы пытаемся выстроить инфраструктуру на основе экосистемы национального суверенитета, не поглощая всех в одну платформу, создавая распределенную сеть, – этот опыт будет многим странам интересен с точки зрения сохранения своего цифрового суверенитета.

– Каковы планы и перспективы развития на ближайшие годы?

– При участии нового министра по интеграции от Российской Федерации Сергея Глазьева обсуждается новая стратегия развития до 2025 года, которая, мы надеемся, будет принята в текущем году нашими президентами. В рамках стратегии зафиксировано колоссальное количество проектов по цифровой трансформации, которые мы будем реализовывать. Конечно, наша основная цель – достроить экосистемы (промышленность, транспорт, прослеживаемость и маркировка, движение товаров и др.). Обсуждается создание экосистемы в сельском хозяйстве.

Мы планируем уже к концу 2020 года завершить переговоры со всеми крупными игроками, чтобы начать процесс интеграции Европейского союза с Евразийским союзом, Евразийского союза с АСЕАН. Очень остро стоят вопросы, связанные с финансами – пока здесь достигнуть консенсуса не удалось.